

избирательных участков такие субъективные факторы, как *деятельность СМИ, роль элит*; данные факторы сказываются на более высоких уровнях районирования.

Таким образом, в объяснении устойчивых территориальных различий электоральных ориентаций населения на уровне избирательных участков значение субъективных детерминирующих факторов в целом значительно ниже, нежели чем на более высоких уровнях генерализации. Почти исключительное значение приходится на долю объективных факторов.

Библиографический список

1. *Ахременко, А. С.* Электоральные структуры и социальные размежевания в регионах России / А. С. Ахременко, А. В. Анисимова, В. В. Горбатова, А. Ю. Дербекко, С. А. Евтушенко, С. В. Жигжитов, М. П. Леандрова, Ю. И. Левшенко, Н. Ю. Лукс, С. В. Мушнин, С. Г. Филиппова // Политические практики. – 2007. – № 2 (5).
2. *Дулина, Н. В.* Электоральные предпочтения населения и «краткая история» голоования в Волгоградской области / Н. В. Дулина, В. В. Токарев // Российские регионы в условиях трансформации современного общества. – Волгоград, 2006. – С. 113–121.
3. *Лузина, Е. В.* Особенности электоральных предпочтений российских избирателей в городах разного типа / Е. В. Лузина. – Режим доступа: <http://georpub.narod.ru/student/luzina/1/main.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. *Титков, А. С.* Методы электоральной географии 1990-х гг.: работают ли он в 2000-е гг. / А. С. Титков // Политическая социология / отв. ред. В. Л. Римский и др. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 91–101.

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕЖИМА

А.И. Кольба
(Россия, г. Краснодар)

Ключевые слова: политический конфликт, административно-политический режим, управление конфликтом, демократия, авторитаризм.

Key words: political conflict, political-administrative regime, the management of the conflict, democracy, authoritarianism.

В политической конфликтологии распространено представление о том, что проблематика управления конфликтами в социуме тесно связана с характеристиками политико-административного режима. Используемые государственными структурами и негосударственными политическими акторами подходы к конфликтам, складывающиеся в этой сфере политические практики, в свою очередь, дают основания более ясно судить о его сущности. Конфликты, в которых накал страстей достигает порой высоких градусов, позволяют выявить и описать те черты политико-административных отношений, которые в других ситуациях камуфлируются, порой и сознательно. Поэтому нам представляется целесообразным взглянуть на проблему институализации политических конфликтов с этой позиции, затронув ряд вопросов: каковы особенности институализации, как она «вписана» в существующий политико-административный режим и в какой степени определяет его функционирование?

Рассмотрим вначале сущностные отличия в регулировании политических конфликтов, связанные с «режимными» составляющими (не следует забывать, что также играют свою роль и национальные традиции, менталитет, политическая культура и т.д.). А.Г. Большаков, ряд тезисов которого мы используем в данной работе, излагая в то же время и свое видение затронутых проблем, отмечает: «Плюралистические режимы предполагают, как правило, наличие процедур и специалистов по управлению политическими конфликтами, готовность к компромиссу большинства социальных

групп и слоев общества. В частности, свою эффективность в управлении конфликтами демонстрирует политика взаимных уступок и договоренностей между правящими и оппозиционными элитами, механизмы социального партнерства, судебные и досудебные процедуры урегулирования споров и т.п.» [2]. Стратегии управления конфликтами логически связаны с основными характеристиками режима: идеологического и культурного плюрализма, конкурентности политической жизни, уважения к правам и свободам граждан. Они институализируются таким образом, чтобы не угрожать свободе общественных отношений, но обеспечивать ее. Граждане, структуры гражданского общества позиционируются в качестве важных субъектов политического процесса. Самой политической системой постулируется ценность конфликта как права на выражение мнения, позиции, проблемы. Прямое вмешательство государства в протекание конфликтов возможно в тех случаях, когда они угрожают насилием, дестабилизацией общественной системы. В целом институализация конфликтов обеспечивает гибкость и устойчивость политико-административного режима.

В авторитарных режимах «конфликты в политической сфере, как правило, подавляются, «отменяются» или протекают в латентных формах. В таких режимах также наличествуют институты, процедуры и механизмы для канализации конфликтов, но они носят формальный и декларативный характер» [2]. Это, однако, не означает бесконфликтности. Элитные группировки продолжают вести борьбу за ресурсы, но уже вне публичного пространства. Одной из черт режима обычно является персонализация власти, закрепление ее за конкретным человеком или небольшой группой «единомышленников». Лидеры регулируют внутриэлитные конфликты «вручную», стремясь поддерживать баланс интересов. Широкие слои общества лишаются ярко выраженной политической субъектности, и сами элитные слои рассматривают их в качестве объектов воздействия. Реализовать свои интересы граждане могут в той мере, в какой это не противоречит «государственной необходимости» и не таит угрозы устойчивости властной конструкции.

Снижение социальной напряженности в этих условиях возможно на основе применения весьма разнообразных инструментов: от прямых репрессий (к примеру, в отношении наиболее опасных оппозиционных лидеров) до ведения активной социальной политики (периодическая «раздача пряников», «затопление деньгами» потенциальных «горячих точек»). Напряженность также может направляться вовне: на борьбу с реальными или мнимыми противниками. При благоприятной экономической конъюнктуре стабильности такого режима мало что угрожает, разве что излишне неосмотрительное поведение на международной арене. В период возникновения экономических трудностей привычные способы регулирования противоречий перестают работать, в первую очередь из-за недостатка ресурсов и усиливающегося внутриэлитных разногласий в процессе их распределения. Это и обнажает слабость авторитаризма, связанные с деградацией политических институтов, имитационного характера их деятельности. Как образно выразилась Ю. Латынина, воду в дуршлаг носить можно, если в него вливается больше, чем выливается [12]. Возникает опасность быстрого обрушения режима, размеры которой пропорциональны величине хозяйственных проблем. Таким образом, авторитарные модели институализации конфликтов опасны тем, что создают иллюзию устойчивости, в том числе и у политического класса. В то же время они препятствуют использованию конфликта в качестве источника развития политической системы.

Есть, наконец, и переходные режимы (предполагается, что переход происходит от авторитаризма к демократии). Для них «характерно наличие некоторых из демократических институтов и процедур, иначе просто невозможна их эволюция в сторону плюрализма» [2], т.е. еще не существует возможности институализировать конфликты в соответствии с плюралистическим подходом, но выражается стремление к этому, в общественном развитии существует подобный вектор, тенденция. В целом же «ненасильственное управление политическими конфликтами возможно лишь в плюралистических режимах, при авторитаризме они также управляемы, но за счет прямого или скрытого насилия со стороны действующей власти, которая делает дан-

ный процесс исключительно манипулятивным, а иногда скрывает различные политические противоборства от широких масс населения» [2]. Можно выделить ряд преимуществ первой модели: это ее устойчивость, динамичность, обеспечение более справедливого распределения ресурсов и т.д. В то же время создание такой модели (если она не является исторически сложившейся, «органической») требует значительных ресурсов, прежде всего времени, политической воли и ясного видения целей носителями высшей власти в государстве.

Как, с учетом вышеизложенного, мы можем оценить характер регулирования политических конфликтов в современной России? А. В. Глухова отмечает следующие черты функционирования политико-административных механизмов: «Поле российской политики неуклонно превращается в зону административного контроля. <...> Госаппарат становится для власти наиболее удобным орудием контроля над политическими процессами, не требующим компромиссов, согласований и прочих сложных форм коммуникации...» [3, с. 37]. Взаимодействие правящей элиты с широкими слоями общества оценивается ею следующим образом: «По давным-давно заведенной традиции она пытается решать судьбоносные для страны проблемы либо подкованной борьбой, плохо согласующейся с логикой демократического соперничества, либо открытым административным ... нажимом. Но это означает приведение в действие психологического механизма аккумуляции массового недовольства, когда убежденность в том, что «так дальше жить нельзя», постепенно овладевает не только контрэлитой, но массами» [3, с. 39]. На наш взгляд, эти выводы фиксируют сущность сложившихся в нашей стране механизмов регулирования конфликтов.

Механизмы их публичной регуляции, заложенные, пусть и в несовершенном виде, 1990-х гг. (как на уровне законодательства, Конституции РФ, так и в политической практике), частично демонтируются (как, например, выборность глав регионов), а чаще используются в имитационном режиме и утрачивают свой смысл. Можно отметить, что более десятилетия назад такой ход событий предвидел – и приветствовал – идеолог современного «евразийства» А.Г. Дугин, говоря о наступлении «постлиберальной эры»: «Власть будет активно и масштабно практиковать двойной стандарт, внешне продолжая заявлять о приверженности «демократическим ценностям», а внутренне – экономически, культурно и социально – возродить исподволь предпосылки глобальной автаркии» [6]. Об автаркии, в хозяйственном значении этого термина, в условиях глобализирующегося общества говорить не приходится, но «двойные стандарты» налицо. Много, например, говорится о развитии партийной системы, при этом на практике происходит корректировка избирательного законодательства, дающая преимущества «партии власти», и широко применяется «административный ресурс». Управленческий хаос, захлестывавший страну к концу 1990-х гг., когда в политическом поле действовало множество игроков, пытающихся решить проблемы «с позиции силы», а федеральные и региональные государственные структуры были лишь одной из сторон конфликтов, не всегда наиболее влиятельной, завершился. На смену ему, однако, пришел не правопорядок, а административный произвол. Ресурсы власти, ресурсы закона во многих случаях ставятся на службу частным интересам.

Как отмечает, базируясь на данных социологических исследований, В.Э. Бойков, прежняя (советская) командно-бюрократическая модель управления заменена другой – еще более бюрократической и более коррумпированной моделью. Происходит отчуждение государственной власти от народа. Суть его состоит в метаморфозе, когда народ из источника власти де-юре становится де-факто объектом ее бюрократических манипуляций [1, с. 64, 67]. Закрытый характер административных процессов создает угрозу возрастания разрыва между широкими слоями общества и политико-чиновничьими элитами. Последние ориентируются в основном на собственные интересы или лоббируют деятельность определенных бизнес-структур, что зачастую входит в противоречие с интересами конкретных граждан, территорий. Общество лишается возможности контролировать деятельность государственных институтов, в результате чего те в значительной степени автономизируются. Это приводит к росту внутренней конкуренции в госаппарате, непропорциональному влиянию отдельных

его подразделений на принятие государственных решений. Таким образом, институализация конфликтов происходит в рамках модели, близкой к авторитарной.

Политические механизмы управления конфликтами заменяются административными. Органы власти во многом утрачивают стимул управлять существующей социальной реальностью, диагностировать запросы различных социальных групп и откликаться на них. Вместо этого они склонны формировать «новую реальность», т.е. предавать социальным процессам удобный для себя характер. Проявляется это в стремлении подавить некоторые социальные противоречия, навязать гражданам определенную картину мира, направить их интересы в неполитическое русло и т.д. Такой подход неизбежно ведет к разрастанию механизмов и форм государственного контроля, что вступает в противоречие с идеями гражданского общества, предпринимательства, многопартийности. Возрастает ригидность общественной системы, снижаются влияние конфликта как «балансирующего механизма» общества, в качестве которого он рассматривается классиками конфликтологии [9, с. 103–104].

При этом политико-административный режим современной России нельзя в полной мере считать авторитарным. Скорее он представляет собой причудливое сочетание результатов реформ 1990-х гг., когда общественный идеал виделся в либеральном Западе, и контрреформ 2000-х, когда идеал «перенесся» в прошлое, имперское и советское. В этой конструкции мы с трудом можем обнаружить отголоски какой-либо концептуализации, она строилась в конкретных обстоятельствах, под конкретных людей и с учетом конкретных интересов. Политическая система, как отмечал в свое время Ю.А. Красин, превратилась в «странный антиномичный симбиоз демократии и авторитаризма» [11, с. 128]. Наблюдателями отмечается широкий приход во власть так называемых «силовиков», «государственников», чьим приоритетом остается восстановление могущества государства как могущества госаппарата. От них трудно было бы ожидать формирования другой картины мира. Интеллектуальную подпитку сложившийся режим ищет скорее в российской философской традиции, чем в современных теориях демократии. Безусловно, она важна и интеллектуально богата, но тем не менее это взгляд в прошлое (тем более что традиция зачастую плохо понимается и подвергается произвольным трактовкам). «...Проблема заключается в том, что отечественные мыслители могли быть «прогрессивными» или «реакционными», но у них *не было* опыта жизни в условиях политической свободы в России, а следовательно, и возможности осмысления такого рода отечественных практик. Для наших обществоведов ... было невероятно трудно справиться с мыслью, что выдающиеся учителя могут чего-то *не знать*» [8, с. 187]. Попытки осмыслить происходящее в каких-либо новых форматах предпринимаются, однако не оставляет впечатление, что производимый на их основе интеллектуальный продукт направлен во вне правящей элиты, для «продажи» его пустующему рынку идей. Сама же элита не утруждает себя сколько-нибудь качественным анализом происходящего, и из ее недр трудно ожидать импульса к переменам.

Возьмем для примера наиболее известный концепт такого рода – «суверенную демократию». Акцент в ней делается на суверенитете, т.е. на стремлении оградить себя от внешних влияний (видимо, и от моделей развития?). В чем собственно заключается «демократический» характер того уклада, который провозгласил автор термина В. Сурков, он не объясняет. В статье, прогреевшей несколько лет назад, он выражает мнение, что демократия в России прижилась, и ей удалось справиться с рядом проблем: нищета, сепаратизм, развал армии и госаппарата и т.д. [17]. При этом ни одного примера, когда та или иная проблема была решена путем применения демократических механизмов, а не вопреки им, автор не приводит.

Комментируя основные тезисы В. Суркова, известный российский исследователь А. Кокошин, ссылаясь на данные опроса ВЦИОМ, отмечает, что из десяти демократических ценностей в России пока привилось только три: многопартийность, свобода СМИ, свободные выборы [10, с. 92]. Даже беглый анализ показывает, что в 2000-х гг. эти ценности потерпели значительный ущерб. Демократического тренда в этот период не просматривается, а вот административно-бюрократический – весьма

четок. Видимо, это дало повод утверждать, что «суверенная демократия» – это форма суверенитета российской элиты и форма консенсуса российской элиты по вопросу трансформации политической системы страны для сохранения собственного всевластия. ... Данный внутриэлитный консенсус будет достигнут за счет полного игнорирования интересов народа» [13]. Возникает модель отношений между элитами и обществом, в рамках которой стабильность рассматривается лишь с позиций незыблемости властно-бюрократической вертикали. Закрепление подобного подхода ведет, однако, к формированию ряда новых противоречий, среди которых, к примеру, несовместимость ценностей саморегулируемого рынка и жесткого бюрократического регулирования, гражданского общества и огосударствления общественной жизни, эффективности управленческих механизмов и коррупции и др. Т.е. данная модель также является внутренне конфликтной, с той разницей, что эти конфликты не проявлены, до определенного времени незаметны. Одним из индикаторов наличия конфликтного потенциала выступает невозможность сформировать цельную идеологию национального развития.

Апелляция к прошлому, к традиционным механизмам регулирования (чаще подавления) конфликтов проявляется как у политических практиков, так и у части теоретиков. Элита в этих условиях бюрократизируется, наблюдается ее стремление к режиму личной власти, наименее угрожающему комфортному существованию. Как подчеркивают российские исследователи, «принципиальная непубличность общественной жизни ... закрытость страны в целом от внешнего мира в советское время стали причиной деградации и самоизоляции правящей верхушки» [4, с. 83]. В настоящее время «российская «элита» – это люди, назначенные на влиятельные позиции начальством...» [4, с. 77]. В этих условиях направление развития, по мнению большинства представителей элитных групп, политический курс должен определять «исключительно президент Путин – не та или иная партия, общественная группа либо институт, а именно и единолично Владимир Путин» [4, с. 86] (в источнике приводятся данные опроса 2006 г.). «И власть, и элиты связывают перспективы российской «модернизации» с усилением государства и повышением его роли в мире, а не с модернизацией общества» [4, с. 86]. Подобные мнения элит многое говорят о сущности политического режима. Прежде всего, следует отметить представление, согласно которому из модернизационного курса можно исключить политические составляющие. Происходит искусственный разрыв двух сфер общественной жизни, постулируется «хорошая экономика при плохой политике». Наложив на эту точку зрения уже упоминавшиеся «двойные стандарты», мы вновь возвращаемся к ситуации конфликта между декларируемым и реальным, «теорией» и «практикой». Упование на сильного лидера при этом выглядит совершенно естественным, ведь только ему под силу поддерживать хотя бы относительное единство системы властных отношений, «вручную» управляю конфликтными ситуациями. Отсюда лишь один шаг до провозглашения его самостоятельным институтом власти, что и было недавно сделано одним из приближенных к ней исследователей [7].

В заключение хотелось бы рассмотреть вопрос о перспективах трансформации политического режима в условиях экономического кризиса. Остановившись на анализе шагов, предпринимаемых властью, можно уловить существование двух возможных направлений его развития: условно «реформаторском» и «охранительном». В пользу первого пока говорят некоторые осторожные шаги, предпринимаемые президентом Д.А. Медведевым: стремление расширить кадровую базу власти, круг парламентских партий и др. Можно отметить и появление доклада «Демократия: развитие российской модели» [5], направленного на рассмотрение президента. По словам одного из его авторов И. Бунина, «непременным условием успеха модернизационных процессов в России является либерализация общественно-политической жизни. ... Обществу нужен эволюционный, управляемый характер перемен – эволюция сверху» [15]. Такой подход оставляет возможность для перехода плюралистической модели управления конфликтами.

Второе направление пока что проявляется более отчетливо. В нем заметно стремление сохранить существующую систему политических отношений и институтов либо незначительно изменить ее. Об этом говорит, к примеру, В. Сурков: «Представьте, что бы сейчас было, если бы наша политическая система была более разболтана, более рыхлая... Система работает, что она справится с кризисом и пройдет его» [16]. При этом признается наличие экономических проблем, с которыми существующая система не справляется: неустойчивость экономического роста, коррупция, доминирование одной партии и т.д. Еще более ярко охранительная тенденция проявляется в вышедшей недавно публикации Л. Радзиховского: «Бюрократическая Вертикаль, как и все последние 300 лет (как минимум) в истории России, держит нашу страну. ...Эти пространства, населенные русским народом, не могут и не хотят разлетаться, они тяготеют друг к другу, а иной скрепы у них нет». Экономический кризис, по мнению автора, не конвертируется в политический [14].

В подобном подходе, на наш взгляд, можно выделить две основные проблемы: уже упоминавшийся разрыв между экономической и политической модернизацией, а также искусственную дихотомизацию возможных вариантов развития. Задается необходимость выбора: либо сохранение жесткой административно-бюрократической системы, либо развал страны. Сама постановка вопроса подобным образом уже свидетельствует, что существующий политико-административный режим сохраняет в себе элементы чрезвычайщины, кризисного состояния. Реально в качестве альтернатив «вертикали» должны рассматриваться варианты перехода в режим плюралистического регулирования конфликтов в рамках эволюционного развития. Однако для того, чтобы двинуться по этому пути в условиях кризиса (объективно благоприятные для политической модернизации 2000-е гг. были использованы совсем по другому), необходимы недюжинная политическая воля и стратегическое мышление.

Завершая данную работу, хотелось бы подчеркнуть, что сложившаяся в условиях современного политико-административного режима модель управления политическими конфликтами чревата игнорированием накапливающихся противоречий с последующим обрушением жесткой властной конструкции, что уже случалось в истории России. Способны ли этот режим и эта модель эволюционировать, модернизироваться – один из важнейших вопросов на обозримую перспективу.

Библиографический список

1. *Бойков, В. Э.* Конституция, власть и народ. Россия 1990-х гг. – начала XXI в. / В. Э. Бойков // Социологические исследования. – 2009. – № 1.
2. *Большаков, А. Г.* Политические конфликты в российских регионах: институциональные условия и возможности управления (случай Республики Татарстан) / А. Г. Большаков. – Режим доступа: <http://www.rarn.ru/?grup=72&doc=130> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. *Глухова, А. В.* Политические вызовы перед глобальными конфликтами (к феномену «оранжевых революций») / А. В. Глухова // Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира. – М. – Ставрополь : СГУ, 2006.
4. *Гудков, Л.* Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» / Л. Гудков, Б. Дубин // Pro et Contra. – 2007. – № 3 (37).
5. *Демократия: развитие российской модели.* – Режим доступа: <http://newtimes.ru/Files/111/democratic.doc> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. *Дугин, А. Г.* Постлиберальная эра / А. Г. Дугин. – Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=385335&soch=1> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. *Иванов, В. В.* Партия Путина. История «Единой России» / В. В. Иванов. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
8. *Ковалев, В. А.* Политология в провинциальном вузе на фоне инволюции образовательного и исследовательского потенциала / В. А. Ковалев // Политэкс. – 2005. – № 1.
9. *Козер, Л.* Функции социального конфликта / Л. Козер. – М. : Идея-Пресс, 2000.
10. *Кокошин, А.* Демократия и реальный суверенитет / А. Кокошин // Эксперт. – 2006. – № 46.

11. *Красин, Ю. А.* Политическое самоопределение России: проблема выбора / Ю. А. Красин // Полис. – 2003. – № 1.
12. *Латынина, Ю.* Киндерсюрприз-2, или Экономика дуршлага / Ю. Латынина. – Режим доступа: <http://www.ej.ru/?a=note&id=8575> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
13. *Маслов, О.* Исторические перспективы «суверенной демократии» в России или «суверенная демократия» как архаичный формат суверенности элиты / О. Маслов, А. Прудник. – Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2006/10/16/khrushdem/> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
14. *Радзиховский, Л.* Не буди лихо, пока спит тихо / Л. Радзиховский // Российская газета. – 11.03.2009.
15. *Развитие* российской модели демократии. – Режим доступа: <http://www.giocenter.ru/ru/news/268> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
16. *Система* работает. Владислав Сурков выступил на форуме «Стратегия – 2020». – Режим доступа: http://edinros-kuban.ru/news/news_release/05-03-09-05.html (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
17. *Сурков, В.* Национализация будущего / В. Сурков. – Режим доступа: <http://www.edinros.ru/news.html?id=116746> (10.03.2009), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ МИГРАЦИИ (РОССИЙСКИЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ)

С.Г. Жихарев
(Россия, г. Краснодар)

Ключевые слова: миграция, регион, конфликты, толерантность.

Key words: migration, region, conflicts, tolerance.

В современном мире миграция является одной из проблемных зон как большой, так и региональной политики. Вопросы и трудности, вызванные с этим во много неконтролируемым процессом, носят как политический, так и социальный и культурный характер. Это, по сути, не одна, а целая система проблем, которая требует такого же системного подхода. В условиях мирового финансового кризиса эта проблема может действительно обостриться до уровня социально-политического конфликта как внутри России, так и за ее пределами. При этом следует отметить, что границы конфликта могут выходить за рамки официальных государственных границ или границ этнического проживания населения.

Академик РАН А.В. Дмитриев определяет *миграцию*, как такой тип перемещения людей, который завершается сменой постоянного места жительства [4, с. 20]. Для описания перемещения населения наряду с термином «миграция» используются такие, как «эмиграция» – выезд жителей из одной страны в другую на постоянное место жительства в надежде сменить гражданство и «иммиграция» – въезд в страну иностранцев с целью постоянного (либо длительного) в ней проживания и чаще всего получения гражданства страны-реципиента. Выезд из страны (эмиграция), как правило, не является конфликтогенным явлением, но иммиграция, и это объясняется различными причинами, как бы сталкивает интересы местных жителей (резидентов) и мигрантов» [4, с. 21]. А.В. Дмитриев утверждает, что иммиграция более конфликтогенна, чем эмиграция. Именно поэтому она требует и большего внимания.

Конфликт, связанный с миграцией, обычно касается взаимодействий двух основных участников: постоянных жителей, с одной стороны, и мигрантов – с другой. Зачастую он дополняется вмешательством властей, т.е. появлением третьего участника конфликта. Но в случае, когда мигранты идентифицируют себя с конкретным